

Для такого суперотличника, как Гу Чжиянь, было совершенно непостижимо, как можно завалить сразу пять предметов, где достаточно просто взять и написать экзамен. Что вообще хранилось в этой маленькой голове?

Лу Цин беспомощно перебирал одежду.

— Даже если у меня сейчас останется один последний вздох, я всё равно поползу на дополнительные занятия и буду учиться. Сам не понимаю, зачем такой двоечник, как я, выбрал естественные науки. Профильные предметы завалил, факультативы завалил — всё подряд завалил.

Гу Чжиянь: «...»

Лу Цин поднял голову и горячо посмотрел на него снизу вверх.

— Иди на работу. Да, я слабый, но, наверное, не настолько, чтобы свалиться без сознания посреди дороги.

Гу Чжиянь глубоко вдохнул. После таких слов как он мог позволить Лу Цину одному идти в университет?

Лу Цин тяжело вздохнул.

— Хотя в университете ужасно скучно и преподаватели не любят такого двоечника, как я, я постараюсь хоть что-нибудь слушать.

— Я пойду с тобой. — Гу Чжиянь снял фартук.

Лу Цин покачал головой.

— Я не могу мешать тебе работать.

— Ничего. Я позже скажу старшему смены и переставлю часы.

У Лу Цина дёрнулся уголок рта. Выходит, эту подработку он всё равно бросать не собирается.

Гу Чжиянь присел перед ним на корточки.

— Я отвезу тебя в университет. Если станет плохо, скажи преподавателю, не заставляй себя терпеть.

Лу Цин легонько ухватил его за плечо.

— Я слышал, ты был лучшим выпускником на гаокао.

Гу Чжиянь кивнул.

— Просто мне тогда особенно повезло, а соперники выступили хуже обычного.

— Как это можно назвать везением? Больше семисот баллов — разве такое можно случайно набрать, просто немного превзойдя себя?

Гу Чжиянь прикрыл рот рукой и улыбнулся.

— М-м. Для меня, если честно, можно.

— Ты такой умный, может, будешь меня репетировать? — Глаза Лу Цина засверкали звёздами.

Гу Чжиянь замер, а потом сразу отказался:

— У меня нет таких способностей.

— Как это нет? Ты же лучший выпускник гаокао. Если будешь заниматься со мной один на один, я на следующей неделе точно сдам пересдачу.

— Будешь внимательно слушать преподавателя — тоже сдашь.

Когда Гу Чжиянь поднялся, Лу Цин снова потянул его за край одежды.

— Преподаватель меня не любит.

Гу Чжиянь не понимал, что значит «не любит». Как можно не любить такого красивого ребёнка, как Лу Цин?

Лу Цин, не краснея и не чувствуя ни малейшей вины за откровенную выдумку, сказал:

— Родители заплатили, чтобы меня сюда устроить. Преподаватели считают, что я порчу атмосферу. Я пытался искать курсы на стороне, но там видят, что я такой послушный с виду, и они...

Кулаки Гу Чжияня сжались.

— Они тебя обидели?

— Хорошо, что я быстро бегаю.

Гу Чжиянь опустил голову и на несколько мгновений задумался. После гаокао Университет Цзин первым связался с ним. С его результатами университет предложил ему лучшие условия.

Позже он узнал, что Лу Цин выбрал Университет Ху. Семья Лу бесплатно построила для университета три общежития — только после этого Лу Цина удалось зачислить.

Поэтому Гу Чжиянь без колебаний отказал Университету Цзин, заявив всем, что его мать больна и он не может уехать далеко.

Но только он сам знал истинную причину: ему хотелось учиться в одном университете с Лу Цин, даже если тот никогда его не замечал.

Он хотел дать Лу Цину всё самое лучшее, но сейчас у него не было такой возможности.

Он хотел и заниматься с ним, но репетиторство означало сократить часы подработки. Если отказаться от двух работ, у него, возможно, не останется денег даже на еду.

— Гу Чжиянь, я понимаю, что просьба наглая. В конце концов, мы всего лишь друзья, и я не могу требовать, чтобы ты помогал мне бесплатно. Поэтому я буду платить тебе по ставкам обычных курсов. Как тебе? — Лу Цин начал обсуждать условия.

Гу Чжиянь же лишь всё сильнее хмурился. «Всего лишь друзья»... Лу Цин хотел деньгами пресечь его лишние надежды?

Лу Цин продолжил:

— На курсах один час стоит двести юаней. За три предмета скидка двадцать процентов, за пять — тридцать. Я завалил пять, значит, тебе нужно подтянуть меня по всем пяти. Со скидкой выходит семьсот в день.

Гу Чжиянь покачал головой.

— Мне не нужны деньги.

Лу Цин не принял отказа:

— Конечно, есть условие. Если я снова завалю экзамены, деньги придётся вернуть.

— Мне не нужны твои деньги.

— Не хочешь денег — тогда мне не нужна твоя помощь. Упаду без сознания в университете или хозяин курсов начнёт ко мне приставать — это уже мои проблемы. — Лу Цин поднялся и, договорив, направился в комнату.

Гу Чжиянь преградил ему путь.

— Я могу помочь тебе с учёбой, но денег брать не буду.

— Знаешь, на что ты сейчас похож?

Гу Чжиянь покачал головой.

Лу Цин фыркнул.

— На камень из выгребной ямы: и вонючий, и непробиваемый. Мы же друзья, верно? Между друзьями вроде не принято говорить о деньгах. Но если ты мне помогаешь, я тоже должен дать тебе что-то равноценное. Только тогда я смогу со спокойной совестью принимать твою заботу.

— Но это слишком много, — снова попытался отказаться Гу Чжиянь.

— Я уже сделал скидку тридцать процентов. Ты сначала узнай, сколько стоят занятия на стороне. Да если вывесить табличку «лучший выпускник гаокао», то тысяча за урок — ещё дружеская цена.

Гу Чжиянь рассмеялся.

— Да откуда я такой дорогой?

— Именно такой. После скидки сто сорок за час — это ещё я дёшево отделался, — убеждённо заявил Лу Цин.

— Но пять часов в день ты всё равно не выдержишь.

Лу Цин и правда не мог представить, как пять часов подряд смотрит в учебники. Его не только от еды вырвет — он, наверное, и от книг начнёт тошнить.

— Тогда я буду заниматься с тобой по два часа в день. Хорошо?

— Два часа — это только два предмета. Значит, скидка уже не положена.

Гу Чжиянь: «...»

Лу Цин потёр подбородок. Два предмета — четыреста юаней. За месяц наберёт больше десяти тысяч. На расходы ему должно хватить, верно?

Гу Чжиянь опустил глаза и улыбнулся.

— Хорошо. Без скидки.

Лу Цин открыто уставился на его улыбающиеся глаза. Он почти никогда не видел, как Гу Чжиянь смеётся, и всегда считал его слишком правильным и деревянным, будто у того вообще нет человеческих страстей.

Но когда Гу Чжиянь улыбался, в его глазах пряталась такая нежность, что казалось: подул весенний ветер, на всех горах разом распустились цветы, и весь мир стал светлее.

Какой же он красивый.

Лу Цин машинально сглотнул. Приподнятые уголки его губ казались такими мягкими... Интересно, какие они на ощупь?

В книгах пишут, что поцелуй похож на кусочек желе: берёшь в рот — и он ароматный, сладкий.

Лу Цин покраснел до ушей и отвернулся. Он с силой ущипнул себя за бедро, пытаясь прийти в себя.

Ах ты похотливая скотина, о чём ты вообще думаешь?!

Лу Цин дважды глубоко вдохнул, заставляя себя успокоиться, и запинаясь сказал:

— Раз уж ты будешь меня репетировать, увольняйся и из бара, и из кафе.

— Увольняться не нужно.

— Как это не нужно? Днём у тебя занятия, в свободное время ты будешь учить меня, а вечером снова работать? Ты так здоровье угрозишь!

— Не угроблю. Я привык.

Лу Цин обернулся и пристально посмотрел на него. Гу Чжияню ведь тоже всего двадцать. Он лишь два года как стал совершеннолетним. Как он мог так легко говорить, что привык к подобной жизни?

Насколько же тяжёлым было его прошлое.

<http://bllate.org/book/21886/2324223>